

«Как я провел лето»

Традиционные отчеты под условным названием «Как я провел лето» мы попросили составить наших давних авторов и членов редсовета.

Годуновы, двуименность и Историчка

Фёдор Успенский,
чл.-корр.
РАН, вед.
науч. сотр.
НИУ ВШЭ:

За прошедшее лето я, к сожалению, так и не добрался до Костромы, где мне до зарезу в какой-то момент нужно было посмотреть на серебряный оклад Евангелия 1605 года, отданного Дмитрием Ивановичем Годуновым (дядей царя Бориса и царицы Ирины), но зато побывал в Исландии — на международном конгрессе ученых-скандинавистов, занимающихся сагами и древнеисландской литературой. Там мне довелось рассказывать почтенной аудитории о судьбе одного норвежского ярла, который, будучи изгнан королем Олавом Святым, пришел в 1020-е годы на Русь, как кажется, в первую очередь для того, чтобы принять участие вместе с Ярославом Мудрым в Ливонской битве (1024), с треском ее проиграв и покинуть страну, оставив здесь определенную деталь своего туалета — рассказ об этом событии содержится в русской летописи, но недостающие части для реконструкции фабулы восстанавливаются по древнеисландским источникам.

Практически всё лето я и мой соавтор, А. Ф. Литвина, провели в работе над книгой, посвященной феномену светской христианской двуименности на Руси XIII–XVII веков. Была такая богатая традиция имянаречения, когда человек становился обладателем двух (а не одного) христианских имен: Иван Грозный, к примеру, был еще и Тит; его отец, Василий III, носил также имя Гавриил, а дед, Иван III, — Тимофей... Собственно, описанию того, как эта традиция возникла, жила и развивалась, и посвящена наша будущая книга. В написании книги мы определенно продвинулись, но основным результатом этого лета стала, пожалуй, серия статей на ту же тему, из которых главная — одна, в ней удалось по/доказать, что пресловутый Дмитрий Иванович Годунов, овдовев в 1580-е годы, был женат не два раза, как полагало подавляющее большинство исследователей, а всего один раз, на одной и той же женщине, которая просто появляется в источниках под разными своими именами. Обнаружение этого, казалось бы, сугубо частного факта имеет далеко идущие последствия, поскольку Дмитрий Иванович до поры до времени был одним из самых влиятельных и, главное, богатых людей на Руси: он и его жена рассылали по разным монастырям в качестве зазданных и поминальных вкладов огромное количество денег, предметов и того, что мы сейчас называем произведениями искусства. Соответственно, атрибуция этих драгоценных предметов и памятников искусства — дело первостепенной важности, а то обстоятельство, что один из вкладчиков может появляться в подписях на этих вещах то под одним, то под другим своим именем, несколько меняет наше представление о том, какие мастерские были у Годуновых, как всё это функционировало, кому принадлежала та или иная вещь и т. д. и т. п. Вот для этого-то мне и понадобилось в Кострому, однако удалось обойтись отличным качеством фотографиями и искусствоведческими описаниями оклада рукописи 1605 года. Попутно удалось установить (и это уже сюжет, легший в основу другой статьи),

что у знаменитого царя Фёдора Иоанновича (среднего сына Ивана Грозного) было еще одно имя — Ермий, один-два исследователя об этом смутно догадывались, но теперь, кажется, это можно утверждать твердо и наверняка.

Все эти разыскания потребовали от нас более или менее постоянного присутствия в библиотеке. И здесь я не могу не сказать доброго слова о так называемой Историчке, Государственной публичной исторической библиотеке — столь доброжелательной атмосферы, уюта, покоя и участливого внимания со стороны сотрудников, каждый из которых (включая охранников) готов тебе во всем помочь, мне давно не доводилось ощущать. Библиотека бесперебойно проработала всё лето, и идеи закрыть ее хотя бы на месяц в период отпусков, по-видимому, ни у кого не возникло. И слава Богу! Ведь народ там всё время был, книги читались, наука делалась.

А еще в середине лета у нас с А. Ф. Литвиной вышла небольшая книга, посвященная русско-варяжским сюжетам, «Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия»¹, но это уже предмет для отдельного рассказа...

«Это лето было для меня особым»

Лев Борзин,
руководитель
Центра
гималайских
научных
исследований
и почетный
председатель
правления СПбСУ:

Еще в юности, начитавшись книг наших замечательных путешественников, в первую очередь Н. М. Пржевальского, я мечтал попасть в загадочный Тибет. Мечты казались несбыточными. Однако с 2011 года мы в Санкт-Петербургском союзе ученых стали организовывать комплексные научные экспедиции в Западные Гималаи и провели уже четыре такие биогеографические поездки. Летом 2016 года подготовили проект экспедиции в Тибет через Непал. Мы были уже готовы к выезду, но китайская граница оказалась закрыта для иностранцев, хотя ее открытие обещали со дня на день. В итоге, напрасно прождав пару месяцев, мы потеряли лето уже для экспедиций вообще, и Тибет вновь остался лишь в мечтах. В декабре 2017 года во главе научной делегации СПбСУ я посетил Непал. В Катманду (где, кстати, чудесные книжные магазины) обсудил возможности нашей поездки в Тибет. И вот весной нам сообщили, что дорога из Непала открыта, и посоветовали обязательно воспользоваться «окном возможности», которое в любую минуту может быть вновь закрыто.

Мы срочно поменяли полевую программу Центра гималайских научных исследований СПбСУ, заменив планировавшуюся экспедицию в Западные Гималаи на Тибет. Составили команду из членов СПбСУ, в которую вошли замечательные специалисты по биологии и географии из Санкт-Петербурга, Оренбурга, Магадана и даже фотограф из Израиля. С ними было интересно путешествовать и обсуждать увиденное.

Одной из психологических проблем в дальних странствиях может стать расхождение между тем, что ви-

делось в грезах, и реальностью. Наш маршрут проходил по юго-западу Тибета, куда не так часто попадают западные путешественники. Мы ехали по туристической визе. Первая часть пути в сторону священной горы Кайлас была понятна для гида с тибетской стороны. Действительно, паломники-индуисты верят, что там живет Шива со своей верной подругой Парвати, а некоторые буддисты и наши эзотерики полагают, что именно в этом регионе расположен вход в Шамбалу. Но наше желание непременно попасть дальше, на реку Сатледж — крупный восточный приток Инда, вызывало недоумение. В итоге уже на месте власти не пустили нас в два пункта нашего маршрута, а также в один древний буддийский храм на границе с Индией.

Тем не менее увиденное оставило глубокие впечатления. Белоснежные Гималаи на горизонте слева, чудесные зеленые луга вдоль реки Цангпо (= Брахмапутры), кианги — родственники куланов, антилопы и другие дикие животные, симпатичные яки, сам Кайлас и огромные священные озера около него, покинутые пещерные города, живописные старинные храмы, разноцветные, подчас причудливой формы холмы и горы, водопады — всё было праздником для души и сердца полевого натуралиста. Прикосновение к древним государствам (Шаншунг, Гуге, Пуранг), канувшим в Лету и оставившим после себя руины, легенды и во многом непонятные письмена, вызвали не только трепет, но и осознание мимолетности жизни, чувство уважения к философии тибетского буддизма.

Увы, в этой части Тибета плохо развита туристическая инфраструктура, зато заметна алчность местных турфирм. Подчас приходилось нечестно, как деликатно выразился мой старый товарищ, на постоялых дворах времен Марко Поло. В редких отелях — ленивый персонал и беспорядки, нередко и хамство гидов. Холод, жара... С другой стороны, мы не пострадали от горной болезни, поражающей многих (дорога шла на высоте порядка 4600 м над уровнем моря). Физически мы отдохнули в Непале, где всем очень понравилось, несмотря на липкую жару, муссоны и пивяков в субтропическом лесу. Но это уже другой разговор... А сейчас мы готовим очередную, пятую экспедицию СПбСУ — в Западные Гималаи к истокам Ганга.

«Сможет ли США остановить утечку научных мозгов в Китай?»

Егор Задерев,
канд. биол.
наук, вед.
научн. сотр.
Красноярского
научного центра СО РАН:

Помимо прочего, принял участие в работе 34-го съезда Международного общества лимнологии (International Limnological Society), который проходил в конце августа в Китае. Лимнология как наука редко становится предметом популяризации. Хотя объекты исследования лимнологов — озера, водохранилища — и связанные с ними проблемы часто привлекают внимание СМИ. Самый яркий пример — состояние озера Байкал.

В программе съезда был лишь один доклад про этот уникальный водоем. Представляла его американка Марианна Мур, которая в сотрудничестве с иркутскими учеными исследует реакцию экосистемы озера на внешние воздействия.

Центральная часть озера отличается высокой устойчивостью и пока не демонстрирует существенных изменений. Прибрежная же часть более чувствительна и отвечает на поступающие в озеро точечные и распределенные стоки загрязняющих элементов

изменениями в структуре экосистемы и прибрежном цветении водорослей.

Лимнологов мира волнуют не только вопросы загрязнения водоемов. В трендах — реакция озер на изменение климата, вопросы контроля биоразнообразия, использование методов дистанционного зондирования для оперативного мониторинга и контроля, разработка математических моделей и экспертных систем для принятия решений в вопросах водопользования. В нескольких пленарных докладах, в том числе в программном заявлении президента общества, канадского ученого Ива Прери (Yves Prairie), прозвучала мысль о необходимости более активной позиции научного сообщества в вопросах общения с политиками и лицами, принимающими решения. «Политика, основанная на фактах и научных рекомендациях, находится под угрозой по всему миру» — примерно такая фраза прозвучала в одном из докладов (мне кажется, американского коллеги). Ее и можно использовать как лейтмотив прошедшей конференции.

Изначально я был одним из организаторов отдельной секции по соленым озерам. К сожалению, — это многолетняя тенденция — не так много исследователей соленых озер попадают на съезды лимнологов. Из-за небольшого количества «соленых» заявок оргкомитет предложил мне быть председателем секции по реакции экосистем на глобальные изменения. Возможно, это было даже лучшим решением. Основные проблемы соленых озер — изменения уровня воды и солености и связанные с этим экосистемные перестройки — вызваны как раз глобальными изменениями.

Большой конгресс — это чаще всего ежедневное общение с десятками знакомых и незнакомых коллег. В этот раз съезд запомнился мотивированными молодыми китайскими учеными. Практически в каждую свободную минуту к тебе подходили китайцы, представлялись, рассказывали, чем занимаются сами, и расспрашивали про область твоих исследований. Не знаю, была ли это установка или просто заряд на поиск чего-то нового и потенциально полезного для будущей карьеры, но такого внимания со стороны местной молодежи я не встречал на конгрессах общества в Финляндии и Канаде, Венгрии и Италии, которые посетил в прошлые годы.

За последние четыре года это мой третий визит в Китай. Темпы развития науки, городской среды, транспортной инфраструктуры поражают. Неспорно буквально месяц назад на страницах американской газеты *Boston Globe* появилась авторская колонка «Сможет ли США остановить утечку научных мозгов в Китай?»².

Китаю понадобилось всего лишь двадцать лет, чтобы выйти на один уровень с США, которые долгие годы были мировым лидером по научной

² bostonglobe.com/opinion/2018/08/01/can-stop-scientific-brain-drain-china/TFHJlQ33sxdTzdGwGZwl/story.html

продуктивности. Конечно, по многим узким направлениям китайцев лидеры назвать сложно. Но у них есть стремление, ресурсы и нацеленность на лидерство. Бросилось в глаза, что практически все ведущие водные экологи Европы и Америки уже так или иначе аффилированы с китайскими университетами и институтами. Остается только позавидовать нашим друзьям по когда-то социалистическому лагерю и искать варианты сотрудничества. Современную науку без достаточных финансовых и мотивированных человеческих ресурсов делать сложно. А в Китае есть и первое, и второе.

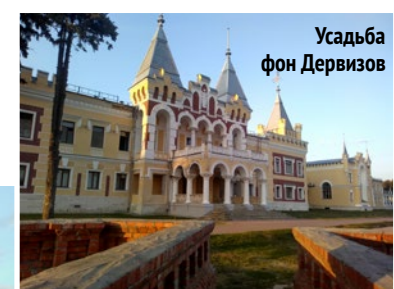
«Вкусняшечки», «пивасики» и «баблосики»

Ирина Фуфаева, науч. сотр.
Института лингвистики
РГГУ:

В июне в РГГУ завершилось защитой мое исследование невероятной характерной части русского языка — диминутивов, или, по-школьному, уменьшительно-ласкательных, выражающих в речи целый спектр отношения к миру: ласку, пренебрежение, одобрение, заискивание, смирение, скромность, иронию... И всё это устойчиво, столетиями: современный пользователь соцсетей презентует свой «небольшой обзорчик», как средневековый автор презентовал «малое сие писанейце». Многие обычные рус-

ские слова восходят именно к диминутивам, оказавшимся более востребованными, чем их «родители»: например, *птица* от древнерусского *пта* — исторически такое же ласкательное образование, как *сестрица* или *водица*. Мне посчастливилось иметь научным руководителем известного лингвиста М. А. Кронгауза, я очень ему благодарна. Планирую писать о русских диминутивах, которые несправедливо ругают то «симптомом слабоумия», то «порчей языка», в популярном формате. Мы беседовали на эту тему с Ольгой Северской в ее передаче «Говорим по-русски» на «Эхе Москвы» (8 июля, название передачи — «Вкусняшечки», «пивасики» и «баблосики»: почему мы всё уменьшаем?).

Усадьба фон Дервизов

Ну, а путешествия — Подмосковье и Рязанщина. Любовались шедевром Шехтеля — сказочной усадьбой фон Дервизов в рязанских Кирицах. И много самых обычных велопрогулок по лесам и паркам. Даже приспособила сидло велика под передвижной столик для ноутбука. Здесь ужасно хочется поставить смайлик, а нельзя.